74.03
Ш 11

Шведская школа в Тобольске.

(В царствование Петра I)

08 02
Библиотека
музей-заповедника инв. № 52509
01
ХТМ-24115/1587

74.03(2533)
Ш-11
37.9(57.1)
Ш-11
А. Ш.

ШВЕДСКАЯ ШКОЛА ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Теперь, когда просвѣщеніе сдѣлало такіе гигантскіе шаги, когда педагогія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, когда потребность народныхъ школъ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, не безъ интереса будутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Шведской школѣ, существовавшей въ Тобольскѣ въ 1700 годахъ, и устроенной плѣнными Шведскими офицерами, съ такими ничтожными средствами, что мы, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, невольно должны удивляться, какъ это было возможно. Когда уже нынче предпріятіе подобнаго рода встрѣчаетъ столько затрудненій, что иногда не знаешь даже, какъ и отстранить ихъ, то не изумительно-ли, что въ то время нашлись люди, которые, изъ одной любви къ ближнимъ, рѣшились посвятить свое время и свои труды воспитанію дѣтей. Школа эта, заслужившая вниманіе и одобреніе Петра Великаго и существовавшая около 10 лѣтъ, служитъ яснымъ доказательствомъ, что можно сдѣлать съ твердою волею и искреннимъ желаніемъ добра.

Послѣ битвы подъ Полтавою 27 іюня 1709 года, Шведскіе военноплѣнные отправлены были въ разные города внутри Россіи, какъ-то: въ Муромъ, Владиміръ, Коломну, Сѣвскъ и такъ далѣе, гдѣ уже и прежде находилось не малое число плѣнныхъ, взятыхъ Русскими съ 1702 года, въ сраженіяхъ, происходившихъ въ Лифляндіи, Курляндіи, Польшѣ, Литвѣ и Финляндіи. Находясь въ странѣ, языка которой они не знали, и между людьми, которыхъ считали варварами и врагами, они, конечно, должны были испытать много огорченій: но, къ-счастію ихъ, случилось обстоятельство, которое совершенно неожиданно вдругъ измѣнило ихъ судьбу, и вотъ какимъ-образомъ. Чтобы придать болѣе пышности торжественно-

му входу въ Москву, назначенному по-случаю побѣды подъ Полтавою, Петръ Великій повелѣлъ собрать туда всѣхъ Шведскихъ плѣнныхъ, которые и должны были въ день въѣзда, 22 декабря 1709 года, слѣдовать за царемъ по всей Москвѣ. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, плѣнные имѣли случай познакомиться и сблизиться съ многими Нѣмцами, жившими тамъ и принимавшими въ нихъ живѣйшее участіе. Болѣе-же всѣхъ заботился объ нихъ главный пасторъ Нѣмецкой слободы Ульрикъ Ѳома Ролофъ (Ulrich Thomas Roloff); онъ не только постоянно навѣщалъ ихъ, чтобы облегчить ихъ сердца утѣшеніями вѣры, но и снабжалъ ихъ назидательными книгами, и всячески старался о томъ, чтобы прихожане его по-возможности помогали имъ платьемъ, бѣльемъ и шубами, въ чемъ они крайне нуждались.

Причиною столь отраднаго для нихъ участія было то, что многіе изъ жившихъ въ Москвѣ Нѣмцевъ, а въ томъ числѣ и пасторы Ролофъ и Юстусъ Самуилъ Шаршмидтъ (Iustus Samuel Scharschmidt), слѣдовали ученіямъ Спенера (Speners) и Франке (Franke), также какъ и не малое число плѣнныхъ офицеровъ, а особенно тѣхъ, которые были родомъ изъ Германіи. Видя по этому въ плѣнныхъ своихъ братій по религіознымъ вѣрованіямъ, Московскіе Нѣмцы и впослѣдствіи оказывали имъ всевозможныя пособія не только собственными средствами, но склоняя къ тому-же многихъ въ Германіи черезъ профессора Франке, который, узнавъ объ учрежденіи школы въ Тобольскѣ, доставлялъ изъ Галле (Halle) значительныя денежныя суммы, для поддержанія этого истинно-полезнаго заведенія.

Въ концѣ января и началѣ февраля 1710 года, всѣ почти плѣнные снова отправлены были изъ Москвы въ разные города. Когда-же въ 1711 году открытъ былъ въ Казани замыселъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, хотѣвшихъ съ товарищами своими бѣжать, то большая часть Шведскихъ плѣнныхъ отправлена была въ Сибирь, куда по этому, къ концу лѣта этого-же года, прибыло не малое число офицеровъ, чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, пасторовъ, нижнихъ чиновъ, а также женщинъ и дѣтей, послѣдовавшихъ за своими мужьями и отцами. Болѣе половины этихъ несчастныхъ оставлены были въ Тобольскѣ, остальныхъ-же размѣстили по близлежащимъ городамъ и слободамъ. Солдаты употреблены были для казенныхъ работъ, офицерамъ-же и чиновникамъ предоставлена была полная свобода заниматься чѣмъ кому угодно.

Только Шведскому министру графу Пиперу, сосланному однакожь впослѣдствіи неизвѣстно по какимъ причинамъ въ крѣпость Нётенбургъ (Шлиссельбургъ), фельдмаршалу Рейншильду (Reinschild) и высшимъ офицерамъ дозволено было оставаться въ Москвѣ; въ числѣ ихъ былъ и подполковникъ фонъ Изендорфъ (von Isendorff), замѣчательный потому, что всѣ письма плѣнныхъ и всѣ пособія, для нихъ назначаемыя, шли чрезъ его руки.

Въ числѣ офицеровъ, оставшихся въ Тобольскѣ, былъ одинъ капитанъ Альбедильскаго драгунскаго полка, по имени Куртъ Фридерикъ фонъ-Врехъ, который принадлежалъ къ піетистамъ, и за свою набожность и примѣрно-нравственное поведеніе былъ уважаемъ всѣми своими товарищами. Недѣли черезъ четыре послѣ прибытія плѣнныхъ въ Тобольскъ, къ нему обратился одинъ изъ его товарищей, бѣдный ротмистръ, съ просьбою, взять къ себѣ на воспитаніе его 6-лѣтняго сына, на что тотъ охотно согласился; но какъ капитанъ фонъ-Врехъ жилъ не одинъ, а съ товарищемъ, и очень въ небольшой комнаткѣ, то при этомъ онъ объявилъ, что долженъ предварительно переговорить съ послѣднимъ и узнать, согласится-ли онъ, чтобы мальчикъ жилъ у нихъ. Товарищъ его дѣйствительно сталъ его отговаривать, стараясь доказать, что должность учителя совершенно неприлична для офицера; но фонъ-Врехъ не обратилъ на это никакого вниманія, во-первыхъ, потому, что считалъ предполагаемую услугу свою бѣдному товарищу богоугоднымъ дѣламъ, а во-вторыхъ потому, что находилъ, что еслибы ему и дѣйствительно пришлось снискивать себѣ пропитаніе, занимаясь воспитаніемъ дѣтей: то это, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда и всѣ прочіе плѣнные офицеры должны были трудиться для своего существованія, нисколько не могло быть предосудительнымъ или неприличнымъ. Мальчикъ поступилъ къ нему въ сентябрѣ 1711 года.

Благодаря заботливости Русскаго правительства и великодушію тогдашняго генералъ-губернатора, плѣнные, во время пребыванія своего въ Сибири, не терпѣли большой нужды. Кромѣ того, что они получали денежныя вспоможенія, имъ еще дозволено было заниматься охотою и рыбною ловлею, и вообще трудами пріобрѣтать средства къ обезпеченію и улучшенію своего существованія. Пользуясь этимъ, многіе изъ нихъ взяли на-откупъ продажу пива и меду, другіе дѣлали карты, разныя изящныя вещи изъ серебра,

красивые кошельки, вытачивали изъ мамонтовой и слоновьей кости табакерки, коробочки и тому подобное, шлифовали драгоцѣнные камни, вырѣзывали печати и дѣлали всякія галантерейныя бездѣлки. Все это они не только выгодно продавали въ Тобольскѣ и ближайшихъ городахъ, но даже отсылали въ Москву, гдѣ работы ихъ имѣли очень хорошій сбытъ. Тѣ-же изъ офицеровъ, которые не могли заниматься никакимъ ремесломъ, опредѣлялись къ коменданту и другимъ значительнымъ лицамъ учителями Нѣмецкаго языка, или экономами и управляющими, такъ-что каждый плѣнный имѣлъ какое-нибудь занятіе, обезпечивавшее его существованіе; по этому капитану фонъ-Вреху очень прилично было завести школу, хотя онъ, впрочемъ, вѣроятнѣе всего рѣшился на это изъ человѣколюбія, а не изъ нужды. Вскорѣ послѣ поступленія къ нему мальчика, товарища его перевели въ другой домъ, и мѣсто его занялъ офицеръ, который принялъ живѣйшее участіе въ планахъ капитана фонъ-Вреха.

Изъ вышесказаннаго видно, что уже при самомъ основаніи школы встрѣтились нѣкоторыя затрудненія; но это еще не все: вскорѣ капитанъ фонъ-Врехъ, главною цѣлію котораго было образовать изъ своего воспитанника добраго христіанина, которому онъ по этому желалъ передать основанія вѣры, къ немалому огорченію, замѣтилъ, какъ поверхностны были собственныя его познанія относительно этого предмета. Конечно, онъ, какъ и всякій, въ молодости учился катихизису и священной исторіи, но потомъ очень мало занимался религіозными книгами, библіи-же онъ почти вовсе не зналъ; ему до самаго того времени, когда онъ попался въ плѣнъ и отосланъ былъ въ Сѣвскъ, никогда не случалось даже читать ее. Теперь онъ усердно принялся за Библію, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей своихъ корнетомъ Поулемъ; ознакомившись такимъ-образомъ съ главнѣйшимъ ея содержаніемъ, онъ вскорѣ былъ въ-состояніи передавать истины ея своему воспитаннику. Когда это сдѣлалось гласнымъ и товарищи его узнали, какъ усердно и добросовѣстно онъ занимался своимъ воспитанникомъ, то многіе изъ нихъ стали просить его, чтобы онъ взялъ къ себѣ и ихъ дѣтей, и такимъ образомъ у него скоро образовалась школа, въ которой уже въ 1714 году было 7 человѣкъ полныхъ пансіонеровъ и 3 наставника (Informatorius) и 5 человѣкъ полупансіонеровъ. Въ это-же время назначенъ инспекторомъ школы полковой пасторъ Біернеборгскаго полка Гавріилъ Лауреусъ (Gabriel

Laurаeus), который 11 октября дѣлалъ воспитанникамъ первый публичный экзаменъ.

Между-тѣмъ одно непредвидѣнное обстоятельство, случившееся въ іюнѣ 1713 года, чуть не уничтожило этой школы въ самомъ ея зародышѣ. Кромѣ тѣхъ 100 человѣкъ офицеровъ, которымъ сначала назначено было жить въ Тобольскѣ, туда впослѣдствіи прибыло еще значительное число плѣнныхъ, такъ-что наконецъ помѣщеніе въ городѣ сдѣлалось чрезвычайно тѣсно; посему тогдашній губернаторъ Сибири, князь Гагаринъ, и отдалъ приказъ, чтобы всѣ неженатые плѣнные были отосланы въ Томскъ. Хотя капитанъ фонъ-Врехъ и былъ женатъ, но какъ жены его не было съ нимъ (она находилась въ Германіи и жила въ маленькой деревнѣ въ Пруссіи), то его назначено было также отправить вмѣстѣ съ холостыми; онъ уже хотѣлъ-было распустить своихъ учениковъ, какъ вдругъ получилъ радостное извѣстіе, что губернаторъ, снисходя къ просьбамъ матери одного изъ его учениковъ, позволилъ ему остаться въ Тобольскѣ. Видя въ этомъ перстъ Божій, онъ еще ревностнѣе сталъ стремиться доставить тамошнему юношеству христіанское и нравственное воспитаніе. У него былъ свой особенный взглядъ на начала воспитанія. Человѣкъ, по его мнѣнію, отъ природы болѣе расположенъ ко злу, чѣмъ къ добру; онъ ничего не можетъ сдѣлать добраго самъ-по-себѣ, безъ непосредственнаго содѣйствія Божія, и поэтому онъ долженъ всячески искать съ Нимъ соединенія. Но какъ свѣтская жизнь казалась ему одною изъ главнѣйшихъ причинъ, отклоняющихъ людей отъ Бога, то онъ считалъ необходимымъ, чтобы дѣти были совершенно отстранены отъ всякаго сношенія со свѣтомъ, могущаго имѣть вредное вліяніе на ихъ впечатлительные умы. Будучи къ тому-же убѣжденъ, что, не смотря на его старанія, дурные примѣры, которые многія изъ дѣтей ежедневно видѣли у себя дома, непремѣнно должны были препятствовать его стараніямъ, онъ рѣшилъ, чтобы впредь всѣ учащіеся жили у него въ школѣ. Онъ нанялъ близъ своей квартиры большую комнату за 3 рубля на-полгода и переѣхалъ туда съ своими воспитанниками и работникомъ, а прежнюю свою комнату употребилъ для кухни и столовой; кромѣ того, въ ней жилъ еще квартирмейстеръ Іоганъ Христофоръ фонъ-Руденъ, который занимался хозяйственною частію школы и вмѣстѣ съ тѣмъ училъ дѣтей чистописанію и ариѳметикѣ. Стряпнею занимался старый унтеръ-офицеръ, котораго капитанъ фонъ-Врехъ,

по добротѣ своей, пріютилъ у себя. Въ то-же время поступилъ въ школу учителемъ еще одинъ офицеръ, адъютантъ Михаилъ Шлегель, для обученія дѣтей чтенію. Фонъ-Врехъ радовался, что сдѣлалъ еще важный шагъ для улучшенія своей школы; но радость его была непродолжительна. Гораздо раньше окончанія срока найма, хозяинъ продалъ домъ, и воспитанники и наставники снова остались безъ крова. Это было новое испытаніе, но капитанъ фонъ-Врехъ не упалъ духомъ.

Чтобы навсегда отстранить подобнаго рода затрудненія, съ общаго согласія родителей и наставниковъ рѣшено было купить для школы домъ, собравъ нужную для этого сумму съ воспитанниковъ и учителей. Деньги, слѣдующія очень съ бѣдныхъ родителей, капитанъ фонъ-Врехъ, по добротѣ своей, обѣщалъ внести самъ. Скоро отысканъ былъ удобный домъ, состоящій изъ четырехъ комнатъ, и сторгованъ за 45 руб.; но когда пришлось вносить деньги, то ихъ не оказалось достаточнаго количества въ наличности, и все предпріятіе кончилось-бы ничѣмъ, еслибы одинъ изъ друзей капитана фонъ-Вреха не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ, и не досталъ-бы въ-займы нужной суммы. Домъ былъ купленъ и капитанъ фонъ-Врехъ переѣхалъ туда въ апрѣлѣ 1715 года.

Но теперь явился новый врагъ, бороться съ которымъ было уже гораздо-труднѣе, чѣмъ съ недостаткомъ денегъ и всѣми прежними препятствіями. Клевета самая черная коснулась своимъ ядовитымъ жаломъ Тобольской школы и ея учредителя. Капитанъ фонъ-Врехъ и многіе изъ плѣнныхъ офицеровъ были піетисты. Раза три въ недѣлю собирались они у него, и послѣ общей молитвы, пропѣвъ одинъ или нѣсколько псалмовъ, занимались чтеніемъ сочиненій Арендта (Arendts), Спенерса (Speners) или Франке (Frankes), и потомъ бесѣдовали о религіозныхъ предметахъ. Это въ-сущности благое и полезное занятіе скоро обратило на себя вниманіе, и возбудило очень невыгодныя для школы подозрѣнія. Иные насмѣхались надъ этими собраніями и надъ филантропическою идеею капитана фонъ-Вреха и его сотрудниковъ посвятить себя воспитанію дѣтей; другіе-же, не вникая въ духъ школы, опасались, чтобы она не имѣла вреднаго вліянія на воспитанниковъ; были даже и такіе, которые приписывали лицамъ, къ ней принадлежащимъ, и болѣе серьезную цѣль и подозрѣвали, что они искажаютъ догматы лютеранской вѣры, хотятъ основать расколъ, и тѣмъ непремѣнно навлекутъ на плѣнныхъ неудовольствіе правительства.

Такъ-какъ нѣкоторые изъ пасторовъ раздѣляли это невыгодное мнѣніе, то опасенія и безпокойство все болѣе и болѣе возрастали. Многіе изъ родителей намѣревались взять уже дѣтей своихъ изъ школы, слѣдствіемъ чего, безъ-сомнѣнія, было-бы совершенное ея уничтоженіе. Но твердая воля капитана фонъ-Вреха восторжествовала и на этотъ разъ надъ всѣми затрудненіями. Такъ-какъ сомнѣнія насчетъ его религіозныхъ понятій были главнѣйшимъ пунктомъ взведенныхъ на него обвиненій, то онъ назначилъ публичный экзаменъ, на который пригласилъ не только родителей своихъ воспитанниковъ, но и духовныхъ и всѣхъ офицеровъ, чтобы всякій самъ могъ слышать, чему учились дѣти и убѣдиться, что ихъ не учили ничему такому, что хотя сколько-нибудь противорѣчилобы догматамъ лютеранской вѣры. Экзаменъ удался какъ нельзялучше, дѣти отвѣчали совершенно удовлетворительно на всѣ дѣлаемые имъ вопросы, и выказали такія познанія въ священной исторіи и катихизисѣ, которыхъ, по ихъ малолѣтности, даже и ожидать нельзя было; всѣ остались очень довольными, клевета была уничтожена, и въ школу прибыло еще нѣсколько воспитанниковъ. Это было въ 1715 году. Уже за годъ передъ этимъ одинъ изъ друзей капитана фонъ-Вреха, капитанъ баронъ Карлъ фонъ-Крейцъ (Creutz), писалъ по поводу пересудовъ и клеветы, происшедшихъ вслѣдствіе ихъ собраній, къ придворному пастору Нордбергу (Hofpredikant Nordberg), находившемуся въ то время въ Москвѣ, и просилъ его наставленій относительно этого предмета. Пасторъ Нордбергъ отвѣчалъ ему, что онъ и товарищи его могутъ быть совершенно покойны: такъ-какъ собранія подобнаго рода, сколько ему извѣстно, не воспрещены никакимъ закономъ. И вотъ все опять пошло какъ-нельзя-лучше; но скоро случилось новое несчастіе, которое чуть не уничтожило всѣхъ ихъ радостныхъ надеждъ. Пять недѣль послѣ экзамена, а именно въ ночь съ 12 на 13 мая, въ Тобольскѣ произошелъ большей пожаръ, отъ котораго сгорѣло болѣе половины города, при чемъ и школа сдѣлалась жертвою пламени. Это новое испытаніе было тѣмъ чувствительнѣе, что при покупкѣ дома истощены были послѣднія средства школы. Несмотря на это, вѣра въ благость Божію поддерживала фонъ-Вреха и его сотрудниковъ; они безропотно перенесли постигшее ихъ несчастіе.

При тѣснотѣ помѣщеній въ городѣ, происшедшей вслѣдствіе пожара, не было никакой возможности найти какое-нибудь убѣжище для школы, а потому капитанъ фонъ-Врехъ съ благодарностію при-

нялъ предложеніе одного плѣннаго ротмистра, вызвавшагося отдать для ней свою комнату, и перебрался туда съ 5 сотрудниками, старымъ унтеръ-офицеромъ, исправлявшимъ при школѣ должность повара, и 3 воспитанниками; остальныя дѣти до-времени должны были жить у своихъ родителей. Но вскорѣ, 1-го іюня, не желая употребить во зло услужливости ротмистра, онъ перевелъ школу на сѣнникъ, который одинъ изъ товарищей уступилъ ему по дружбѣ, и условился съ родителемъ одного изъ своихъ учениковъ, чтобы онъ, за извѣстную плату, взялъ его, сотрудниковъ его и 2 воспитанниковъ къ себѣ на хлѣбы.

Представлялось однакожь средство выйти изъ затрудненія и пріобрѣсти новый домъ для школы; но излишне-щекотливая совѣсть мѣшала капитану Фонъ-Вреху воспользоваться имъ. Дня черезъ два послѣ пожара, получена была отъ профессора Франке, изъ Галле, посылка, состоявшая изъ 48 библій, 100 евангелій, 50 молитвенниковъ (Gesang-Bücher) и 500 разныхъ другихъ книгъ и брошюръ духовнаго содержанія; кромѣ того, привезено было изъ Москвы 20 библій и не малое число книгъ духовнаго содержанія и 500 рублей денегъ, которыя вмѣстѣ съ книгами пожертвованы были разными благотворительными лицами для раздачи бѣднѣйшимъ изъ плѣнныхъ въ Сибири. Изъ денегъ этихъ, конечно, можно было-бы взять, въ видѣ займа, нужную для покупки дома сумму; но въ письмѣ совершенно положительно было сказано, чтобы ихъ раздать нуждающимся, и потому Фонъ-Врехъ долго не могъ на это рѣшиться. Между-тѣмъ скоро оказалось, что сѣнникъ, въ который вода при малѣйшемъ дождѣ проникала отовсюду, не могъ служить классною комнатою даже и лѣтомъ, и что холодная изба, въ которой жилъ капитанъ Фонъ-Врехъ и его воспитанники, не могла служить убѣжищемъ для зимы. Послѣ долгихъ совѣщаній, наконецъ рѣшено было взять изъ присланныхъ денегъ столько, сколько нужно было для уплаты долга, сдѣланнаго при покупкѣ сгорѣвшаго дома, и потомъ постараться опять достать денегъ въ-займы, чтобы купить или нанять нужный для школы домъ. Занявъ у кого 2, у кого 3 рубля и такъ далѣе, собрали 24 рубля; болѣе-же денегъ въ настоящую минуту достать было не-гдѣ, а зима была на дворѣ, и домъ надобно было пріобрѣсти во что-бы-то ни стало или уничтожить школу.

Думали, думали и наконецъ рѣшили попытаться пріобрѣсти за эти деньги гдѣ-нибудь въ деревнѣ удобный для школы домъ, и

потомъ, разобравъ его, перевезти въ городъ и поставить на мѣсто, гдѣ стоялъ недавно сгорѣвшій. Капитанъ Таббертъ (Tabbert) вызвался похлопотать объ этомъ дѣлѣ, и получивъ собранные 24 рубля, къ которымъ фонъ-Врехъ прибавилъ еще 7 рублей собственныхъ денегъ (все, что у него въ то время было), отправился изъ Тобольска, надѣясь, что Господь поможетъ ему въ предпріятіи, отъ котораго зависѣло счастіе столькихъ дѣтей. Двѣ недѣли прошло въ самомъ мучительномъ ожиданіи; наконецъ 29 іюня возвратился капитанъ Таббертъ, и привезъ съ собою домъ и прочій нужный строительный лѣсъ на 8 плотахъ, которые пригнаны были внизъ по теченію рѣки. Плоты были привязаны и прикрѣплены надлежащимъ образомъ къ берегу, и, возблагодаривъ Бога, всѣ отправились съ капитаномъ фонъ-Врехомъ, чтобы переговорить, какъ-бы скорѣе и лучше построить домъ, не дѣлая при этомъ излишнихъ издержекъ. Но испытаніе было еще не окончено. Ночью быстрота теченія, происходящая у Тобольска отъ сліянія рѣкъ Тобола и Иртыша, оторвала плотины и унесла ихъ съ-полъ мили внизъ по теченію рѣки, гдѣ наконецъ съ неимовѣрнымъ трудомъ удалось ихъ остановить. Тащить ихъ противъ теченія обратно въ городъ казалось совершенно невозможнымъ; но наконецъ нашлось нѣсколько Русскихъ, которые за 10 рублей взялись за это трудное дѣло.

Такъ-какъ мѣсто, на которомъ находился старый домъ, было невелико, то, обсудивъ хорошенько, рѣшились продать его и купить большое мѣсто, на которомъ впослѣдствіи можно-бы было построить еще и другія строенія: потому-что фонъ-Врехъ и его друзья надѣялись, что школа со-временемъ увеличится и понадобится большее помѣщеніе. 15 іюля нашелся наконецъ покупщикъ, которому и продали мѣсто за 36 руб. 50 к., а къ половинѣ августа (1715) домъ, купленный для школы, былъ уже готовъ; но какъ онъ оказался слишкомъ тѣсенъ, то и рѣшили употребить его для кухни и хозяйственныхъ потребностей, и построить для школы другой изъ лѣса, привезеннаго капитаномъ Таббертомъ. Рѣшеніе было тотчасъ-же приведено въ-исполненіе и къ 19 сентября въ новомъ домѣ, для постройки котораго снова сдѣланъ былъ значительный заемъ, готовы были 2 комнаты, въ которыхъ 20 того-же мѣсяца въ первый разъ начались классы.

Въ то-же время Іоганъ Габерманъ (Iohan Haberman) поступилъ въ школу учителемъ Латинскаго языка, и какъ онъ былъ чело-

вѣкъ истинно-замѣчательный, то-мы не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ немъ. Онъ былъ родомъ изъ деревни Перно, въ Финляндіи, гдѣ отецъ его былъ токаремъ, а учился въ Выборгской городской школѣ или гимназіи, но по бѣдности не могъ продолжать заниматься науками, а долженъ былъ опредѣлиться лакеемъ къ одному офицеру, съ которымъ и отправился впослѣдствіи на войну, былъ взятъ въ плѣнъ, и удаленъ вмѣстѣ съ господиномъ своимъ въ Сибирь. По заключеніи мира, онъ возвратился на родину, въ Перно, гдѣ и намѣревался жить частнымъ человѣкомъ. Но друзья его, и, какъ кажется, преимущественно баронъ Карлъ Крейцъ, знавшіе его удивительныя способности къ проповѣдыванію, его благочестіе и кроткій нравъ, уговорили его идти въ духовное званіе; посему онъ въ 1729 году отправился въ Або, и поступилъ на 38 году отъ роду студентомъ въ тамошній университетъ, а въ слѣдующемъ году посвященъ въ пасторы въ городѣ Борго. Потомъ онъ назначенъ былъ младшимъ пасторомъ въ Сиббо-кирхшпиль и наконецъ пробстомъ (Propst, Prost) и главнымъ пасторомъ (Pfarrer Kyrkoherde) въ Прено. Но не успѣлъ онъ туда прибыть, какъ началась снова война и онъ былъ вынужденъ удалиться съ семействомъ своимъ въ Швецію, гдѣ онъ исправлялъ должность пастора въ домовой церкви государственнаго совѣтника Нилсъ Біелке (Nils Bjelke). По окончаніи войны, онъ возвратился въ свой приходъ, гдѣ умеръ въ 1756 году, оставя по себѣ память, долго сохранявшуюся въ благодарныхъ сердцахъ его прихожанъ, которыхъ онъ впродолженіе столькихъ лѣтъ дѣломъ и словомъ училъ благочестію.

Къ концу октября 1715 года окончены были еще 2 комнаты въ домѣ школы, и работы производились такъ быстро, что уже къ 15 декабря всѣ постройки, стоившія до 240 руб., были окончены и можно было отслужить благодарственный молебенъ, который и былъ совершенъ при многочисленномъ собраніи инспекторомъ школы, плѣннымъ пасторомъ Біернсборгскаго пѣхотнаго полка Габріэломъ Лауреусомъ (Gabriel Lauraeus).

Съ-этихъ-поръ школѣ, въ которая имѣла теперь удобное помѣщеніе какъ для воспитанниковъ, такъ и для классовъ, число учащихся начало прибывать съ каждымъ мѣсяцемъ. Въ 1713 году у капитана фонъ-Вреха было только 7 учениковъ; къ концу 1714 года (съ котораго, можно сказать, началась собственно школа) она съ учителями и прислугою состояла изъ 18 человѣкъ, а именно въ

въ ней было 3 учителя, 11 воспитанниковъ, 1 экономъ, 1 работникъ и 1 служанка. Но уже въ 1715 году въ ней было 55 человѣкъ, а именно: директоръ и 6 учителей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ исправляли и должность гувернеровъ, и учили дѣтей закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ и Латинскому языку, а въ рекреаціонные часы имѣли за нами надзоръ. Всѣ эти лица, исключая одного, были офицеры. При Русскихъ мальчикахъ былъ еще особый гувернеръ, тоже плѣнный поручикъ, 1 надзирательница для дѣвочекъ, 4 Русскіе мальчика, въ числѣ ихъ сынъ полковника, 18 мальчиковъ, сыновей плѣнныхъ, 12 дѣвочекъ, дочерей плѣнныхъ, 4 плѣнные работника, которые прислуживали дѣтямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учились, 1 экономъ (поручикъ), 2 помощника эконома (тоже поручики) и 3 работника для черной работы. Изъ нихъ 34 человѣка обѣдали въ школѣ, въ томъ числѣ 16 воспитанниковъ. Въ 1716 году школа состояла изъ 86, изъ которыхъ 57 жили въ школѣ. Въ 1717 году, въ которомъ въ февралѣ мѣсяцѣ при школѣ основана была больница, для больныхъ и дряхлыхъ плѣнныхъ, школа состояла изъ 96 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 38 воспитанниковъ и 18 воспитанницъ, и между прочимъ 3 Русскіе дворянскіе мальчика изъ Украйны, и маленькій Монгольскій мальчикъ, купленный однимъ плѣннымъ генераломъ. Что касается до больницы, существовавшей, также какъ и школа, до ноября 1721 года, то она устроилась слѣдующимъ образомъ: въ 1717 году къ капитану фонъ-Вреху приведенъ былъ одинъ больной плѣнный солдатъ, котораго онъ изъ человѣколюбія принялъ; вслѣдъ за тѣмъ привезено было еще нѣсколько больныхъ, которыхъ съ начала помѣстили въ банѣ, принадлежавшей школѣ. Но когда число больныхъ увеличилось, то 12 іюня купленъ былъ, за 10 руб., небольшой домъ о двухъ комнатахъ, куда и перевели больныхъ, приставивъ къ нимъ для прислуги 2 работниковъ, а для леченья—фельдшера. Надзоръ за этою больницею (Krancken-Haus) поручили одному изъ друзей капитана фонъ-Вреха. Но какъ число больныхъ и дряхлыхъ, призрѣваемыхъ капитаномъ фонъ-Врехомъ, все болѣе увеличивалось, то уже въ 1718 году нашлись вынужденными купить другой домъ, за который заплачено 30 рублей. Лекарства для этой больницы большею частію присылаемы были изъ Галле отъ профессора Франке. Впродолженіе четырехъ лѣтъ, въ ней безплатно лечилось до 74 больныхъ, изъ которыхъ умерло 17 человѣкъ: остальные-же, кромѣ нѣсколькихъ стариковъ, остававшихся по

дряхлости постоянно въ больницѣ, выздоровѣли. Въ 1718 году въ школѣ, считая и тѣхъ, которые были въ больницѣ, было уже 134 человѣка, въ 1719 году—130 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 Русскихъ мальчиковъ; въ 1720 г. было 128 человѣкъ, въ томъ числѣ сынъ одного Русскаго князя, за содержаніе и воспитаніе котораго отецъ платилъ, и одинъ маленькій Тунгузъ. Въ 1721 году, когда школа, по случаю мира, была закрыта, въ ней было 139 человѣкъ. Замѣчанія достойно то, что въ школѣ этой учились не одни дѣти, но и много взрослыхъ, работниковъ и служанокъ; которые, бывъ движимы набожностію, добровольно опредѣлялись туда, чтобы учиться чтенію и закону Божію.

Изъ вышесказаннаго видно, что число воспитанниковъ въ послѣдніе годы увеличивалось съ изумительною быстротою, а какъ поэтому помѣщеніе скоро сдѣлалось слишкомъ тѣснымъ, то въ 1720 году и куплено было еще небольшое мѣсто, смежное со школою, и на немъ построенъ домъ о трехъ комнатахъ; но едва былъ оконченъ этотъ домъ, какъ пришло извѣстіе о мирѣ, вслѣдствіе чего учители и воспитанники возвратились въ свое отечество.

Въ это время (въ 1721 году) все помѣщеніе школы состояло изъ 5 домовъ (въ томъ числѣ 3 двухэтажные), въ которыхъ жили воспитанники со своими гувернерами, бывшими вмѣстѣ-съ-тѣмъ и учителями. Днемъ комнаты, служащія спальнями, превращались въ классы; тутъ-же была еще большая зала, въ которую собирались для общей молитвы, и гдѣ воспитанники и всѣ получавшіе по бѣдности пищу отъ школы, обѣдали за четырьмя большими столами—одноэтажнаго дома, гдѣ жили дѣвочки со своею гувернанткою, и гдѣ онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ учились и обѣдали. Пятый домъ, тоже двухъ-этажный, занятъ былъ подъ кухни, кладовыя и людскія. Кромѣ этого, было еще два небольшіе зданія для больницы, и одно, въ которомъ была конюшня, сѣнникъ, а тоже комната для работниковъ, небольшая баня и огородъ величиною въ 20 саженъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и садомъ для воспитанниковъ. Когда школа въ 1721 году уничтожилась, то всѣ эти зданія, стоившія плѣпымъ до 500 рублей, куплены были Тобольскимъ губернаторомъ для гарнизоннаго лазарета за 150 рублей.

Читая все это, нельзя не почувствовать живѣйшаго уваженія и удивленія къ людямъ, съ такимъ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ заботившимся о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей, за-

брошенныхъ судьбою въ Сибирь. Но это еще не все; кромѣ этого, они наусыпно заботились о больныхъ и дряхлыхъ своихъ соотечественникахъ, и вообще всячески старались облегчить участь плѣнныхъ, дозволяя напримѣръ бѣднѣйшимъ изъ нихъ безплатно обѣдать въ школѣ и т. д.

Невольно рождается вопросъ: какъ бѣднымъ плѣннымъ въ такой глуши, лишеннымъ по большей части самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, могла прійти мысль устроить школу и богадѣльню (Lazarett) въ такихъ большихъ размѣрахъ, что въ наше время подобнаго рода предпріятіе врядъ-ли было-бы возможно безъ содѣйствія со стороны правительства. Откуда они брали значительныя суммы необходимыя для поддержки школы, въ которой большая часть воспитанниковъ принималась безплатно, а также, что могло побудить этихъ храбрыхъ людей добровольно переносить самыя тяжкія лишенія и труды, чтобы содѣйствовать успѣху дѣла, которое было совершенно внѣ круга ихъ прежней дѣятельности.

Нѣтъ важнаго событія, причиною котораго не была-бы великая и геніальная мысль; настоящее значеніе ея, правда, вначалѣ часто не совсѣмъ понимаютъ; но впослѣдствіи времени, послѣ борьбы, трудовъ и препятствій, она дѣлается наконецъ ясною. Все это точно такъ-же относится къ человѣку въ-частности, какъ и къ человѣчеству вообще.

Несправедливо было-бы думать, что мысль эта впервые явилась въ Сибири. Нѣтъ! Возбужденная Спенеровою и Франке Collegia pietatis, она уже успѣла обойти всю Германію, Данію и Швецію, и дойти до Москвы, гдѣ первая ея искра вызвала въ нашихъ плѣнныхъ потребность нравственной и духовной жизни, и Тобольская школа была только ея проявленіемъ.

Люди, преданные одной высокой идеѣ, всегда всячески стараются поддерживать другъ друга, и охотно дѣлаютъ все, для достиженія общей цѣли, что и объясняетъ намъ возможность содержать впродолженіе стольких лѣтъ школу одними пожертвованіями благотворительныхъ лицъ. Профессоръ Франке учредилъ въ 1695 году въ Галле, на собственныя средства, школу для бѣдныхъ, которая впослѣдствіи послужила основаніемъ знаменитому дѣтскому пріюту, который, бывъ поддерживаемъ однѣми частными пожертвованіями, такъ быстро увеличивался, что въ немъ уже въ годъ смерти профессора Франке, въ 1727 году, было 2,200 уча-

щихся бѣдныхъ дѣтей и 130 учителей; кромѣ этого 600 человѣкъ получали тамъ ежедневно два раза безплатно пищу. Лишь только этотъ замѣчательный своею благотворительностію человѣкъ узналъ объ учреждающейся въ Тобольскѣ школѣ, тотчасъ-же богатыми пожертвованіями, собранными съ помощію друзей его въ Германіи, сталъ поддерживать это предпріятіе, которому глубоко сочувствовалъ. Кромѣ книгъ духовнаго содержанія, высланныхъ въ различное время на нѣсколько тысячъ талеровъ, и значительныхъ денежныхъ пособій, для раздачи бѣднымъ въ Сибири, въ 1715 году собственно для школы прислано было чрезъ посредство Франке 630 рублей, въ 1716 году 50 гульденовъ и наконецъ въ 1720 400 рейхсталеровъ Точно такое-же теплое участіе приняли въ этомъ дѣлѣ и братья ихъ по вѣрѣ (Christliche Freunde, Riligionsvänner) въ Москвѣ, которыми въ разное время переслано было для школы 3,306 рублей, собранныхъ ими какъ въ Россіи, такъ и за границею. Даже многіе Русскіе не разъ оказывали въ этомъ случаѣ теплое участіе. Такъ напримѣръ однимъ богатымъ Русскимъ вдругъ прислано было плѣннымъ значительная сумма; небольшія-же денежныя пособія, присылка одного и двухъ быковъ, съѣстныхъ припасовъ и т. д. было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ,—что служитъ яснымъ доказательствомъ всеобщаго довѣрія и уваженія, которымъ пользовались Фонъ-Врехъ и его сотрудники, а также и славы, которую заслужила Тобольская школа.

Если взять теперь въ соображеніе дешевизну того времени и тогдашнія понятія объ удобствахъ жизни, а также разсчетливость, соблюдаемую въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ, и безкорыстіе тѣхъ, которымъ поручено было управленіе хозяйственною частію, то понятно будетъ, какъ возможно было, чтобы когда школа при заключеніи мира была закрыта, на ней были только такіе незначительные долги, что они тотчасъ-же по прибытіи капитана Фонъ-Врехa въ Москву могли быть уплачены. Фонъ-Врехъ долженъ былъ именно товарищамъ своимъ и еще разнымъ другимъ лицамъ до 800 руб.; у пастора-же Рейхмута (Reichmutt) въ Москвѣ для школы уже собрано было 950 рублей. Что касается до учителей, то они всѣ служили безъ всякаго возмездія, чисто изъ христіанской любви къ ближнимъ, и за всѣ свои труды получали только отъ школы столъ да кое-что на одежду. О довѣріи, которыхъ Тобольская школа пользовалась вообще, вѣрнѣе всего судить по тому, что многіе Русскіе изъ отдаленныхъ мѣстъ, даже изъ

Украйны, отдавали туда своихъ дѣтей учиться иностраннымъ языкамъ и прочимъ наукамъ, — что, конечно, чрезвычайно-важно, если взять въ соображеніе предубѣжденіе, которое въ тотъ вѣкъ имѣли противъ иновѣрцевъ. Къ чести школы служитъ еще и то, что Императоръ Петръ I, узнавъ объ ея учрежденіи и о томъ, какъ тщательно въ ней заботились, кромѣ ученія, еще и о нравственномъ воспитаніи дѣтей, изъявилъ капитану фонъ-Вреху и его сотрудникамъ монаршее свое благоволеніе, обѣщавъ вмѣстѣ съ тѣмъ впредь ежегодно давать извѣстное пособіе для содержанія школы, что впрочемъ не осуществилось, потому-что вслѣдъ за тѣмъ былъ заключенъ миръ и школа уничтожилась.

Вначалѣ и пока число дѣтей было еще не велико, капитаномъ фонъ-Врехомъ не было еще составлено какого-нибудь опредѣленнаго плана для преподаванія; дѣтей учили только читать, писать и заставляли учить наизустъ священную исторію и краткій катихизисъ, придерживаясь сколько возможно методѣ, введенной въ школѣ, которая была учреждена профессоромъ Франке въ Галле. Но когда число воспитанниковъ увеличилось, то нашли нужнымъ написать школьный уставъ, которымъ впредь можно-бы было руководствоваться при преподаваніи и воспитаніи (1715). Согласно этому школьному уставу, учреждено было 5 классовъ: въ первыхъ четырехъ учили закону Божію, читать и писать, въ 5-же или высшемъ, кромѣ этого еще Латинскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, географіи, ариѳметикѣ и рисованію. Урокъ пѣнія былъ для всѣхъ классовъ общій и ограничивался духовнымъ пѣніемъ. Науки преподавали на Нѣмецкомъ языкѣ: потому-что большая часть воспитывающихся были дѣти Нѣмцевъ и вообще находили, что знаніе этого языка было не менѣе полезно и для Шведовъ. Инспекторомъ школы, какъ уже выше сказано, назначенъ былъ съ 1714 года полковой пасторъ Гавріилъ Лауреусъ, который и присутствовалъ постоянно при экзаменахъ, назначаемыхъ имъ раза два и три въ годъ, и на которыхъ онъ обыкновенно говорилъ какую-нибудь назидательную рѣчь, стараясь возбуждать воспитанниковъ къ благочестію и прилежанію. Число учителей, повидимому, не было ограничено, и ихъ обыкновенно брали столько, сколько требовали обстоятельства, наблюдая между-тѣмъ при выборѣ ихъ высшую осмотрительность, и не допуская никогда, чтобъ человѣкъ, не извѣстный вполнѣ чистотою нравовъ и самымъ строгимъ благочестіемъ, могъ занять мѣсто учителя или гувернера.

Такъ-какъ эти учители или, какъ ихъ тогда называли, наставники (Praeceptor), всѣ жили въ школѣ, то они вмѣстѣ-съ-тѣмъ исправляли и должность гувернеровъ, а именно каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ присмотромъ извѣстное число мальчиковъ, при которыхъ онъ находился безотлучно, съ которыми спалъ въ одной комнатѣ, и за прилежаніемъ, нравственностію и поведеніемъ которыхъ долженъ былъ особенно наблюдать. Въ школьномъ уставѣ кромѣ этого подробно изложено было, чѣмъ дѣти въ каждый часъ дня должны были заниматься, и какъ вообще вести себя. Помѣщаемъ здѣсь главнѣйшія статьи этого устава. «Зимою, когда дни коротки, экономъ (которымъ до сентября 1716 года былъ поручикъ Шенингъ, а потомъ полковой квартирмейстеръ Дувингъ), за 2 часа до разсвѣта будилъ всю прислугу и всѣхъ наставниковъ; потомъ всѣ собирались въ залу на общую молитву, послѣ чего вслухъ читали главу изъ Библіи или другой духовной книги, пѣли псалмы и приготовлялись такимъ образомъ къ занятіямъ настоящаго дня. Экономъ при этомъ долженъ былъ наблюдать, чтобы хозяйственныя занятія не могли помѣшать кому-нибудь изъ прислуги присутствовать при этой общей утренней молитвѣ. Въ 7 часовъ будили всѣхъ дѣтей, которыя по первому-же знаку должны были вставать и одѣваться скоро и аккуратно, на что имъ давалось полчаса времени. Въ половинѣ 8 мальчики, съ наставниками своими, шли въ залу на молитву, послѣ чего они садились по своимъ мѣстамъ и читали священную исторію до начала классовъ. Дѣвочки-же собирались въ свою классную комнату, гдѣ тоже молились и занимались чтеніемъ священной исторіи. Въ 8 часовъ начинались классы, и вотъ какимъ образомъ: тотъ изъ воспитанниковъ, за которымъ была очередь, читалъ вслухъ нѣсколько страницъ изъ Библіи или молитвенника (Psalm-Buch), и всѣ прочіе повторяли про себя то-же, а потомъ имъ объясняли читанное. Затѣмъ слѣдовала общая молитва, пѣли который-нибудь изъ утреннихъ псалмовъ и дѣти шли завтракать. Послѣ этого начинались разныя занятія, которыя и продолжались до 11 часовъ, когда мальчики снова собирались въ залу для общей молитвы; послѣ сего имъ давалось полчаса для отдыха, въ которые учители обязаны были бесѣдовать съ ними о поучительныхъ предметахъ. Въ 12 часовъ обѣдали: мальчики—вмѣстѣ съ наставниками своими въ общей столовой, а дѣвочки—со своею гувернанткою (Pflege-Mutter) и своимъ наставникомъ въ особой комнатѣ. Передъ обѣдомъ читали молитву, а потомъ кто-нибудь изъ старшихъ

воспитанниковъ или одинъ изъ наставниковъ читалъ главу изъ Библіи; по субботамъ-же какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, читали Евангеніе и посланіе Апостола слѣдующаго дня; обѣдъ заключался общей молитвой, и потомъ дѣтямъ дозволено было, подъ надзоромъ своихъ наставниковъ, проводить время до половины 2 въ назидательныхъ разговорахъ другъ-съ-другомъ. Въ половинѣ 2 дѣти снова, какъ и утромъ, собирались въ залу на молитву, а ровно въ 2 часа начинались послѣобѣденные классы, которые и продолжались до 5 часовъ; тогда снова читали молитву и дѣти въ-сопровожденіи своихъ наставниковъ отправлялись въ дортуары. Въ 7 часовъ ужинали и потомъ всѣ шли по спальнямъ, гдѣ дѣти еще полъчаса должны были ходить по комнатѣ, а потомъ садились повторять уроки къ слѣдующему дню, на что имъ давалось только полчаса времени. Въ половинѣ 9 всѣ дѣти должны были осматривать свое платье, чистить башмаки, штопать чулки и заниматься всѣмъ тѣмъ, что относится до чистоты и порядка. Въ 9 часовъ все должно было быть окончено: всякій изъ гувернеровъ молился тогда со своими воспитанниками, послѣ чего всѣ въ домѣ ложились спать». Чтобы замѣнить стѣнные часы, которые только въ 1720 году присланы были изъ Москвы, каждый часъ били въ доску, что и слышно было по всему дому.

Кромѣ этого школьнаго устава, капитаномъ фонъ-Врехомъ и его сотрудниками въ 1719 году были изданы разныя дополненія, касающіяся того, какъ дѣтямъ вести себя во время классовъ и въ остальное время дня. Правила эти еженедѣльно два раза читали дѣтямъ, и кромѣ этого всѣ воспитанники, умѣвшіе писать, должны были списать ихъ себѣ въ особую тетрадь. Правила эти состояли изъ 44 пунктовъ, и какъ они характеризуютъ понятія того времени о томъ, какъ надобно воспитывать дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ нравственныхъ, учтивыхъ и набожныхъ людей, то мы и выписываетъ здѣсь вкратцѣ главнѣйшія изъ нихъ.

«По первому знаку, поданному утромъ, дѣти тотчасъ-же должны вставать и не заставлять будить себя по нѣскольку разъ».

«Они должны одѣваться скоро, но аккуратно, и не подавать повода къ неудовольствію чрезъ обнаруженіе привычекъ къ тщеславію, каковы: завивка волосъ, вычурныя прически и т. д.»

«Одѣваясь, они должны соблюдать приличіе, чтобы не оскорблять ни чьей скромности, не начинать разговоровъ со своими товарищами и вообще не говорить громко. Съ наставниками-же дозволяется говорить о божественныхъ предметахъ, но только безъ гордости и дерзости».

«Умываясь, дѣти должны тщательно мыть свои руки и чистить зубы, и, когда нужно, обстригать ногти».

«Безъ дозволенія наставника никто не смѣетъ выходить изъ комнаты, а тѣмъ менѣе уходить изъ школы. Дозволеніе-же должно просить съ почтительнымъ поклономъ, и въ случаѣ отказа ни подъ какимъ-видомъ не смѣть показывать неудовольствія. При этомъ еще обращать вниманіе, чтобы не мѣшать учителю, если онъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ или говоритъ съ другимъ воспитанникомъ».

«За нѣсколько времени до начатія молитвы, всякій долженъ окончить свои занятія, чтобы имѣть время собраться съ мыслями и приготовиться къ молитвѣ. Поэтому запрещается строго: передъ молитвою разговаривать, ходить по комнатѣ или дѣлать что-нибудь такое, что можетъ сдѣлать человѣка разсѣяннымъ и неспособнымъ къ столь важному дѣлу».

«Во время молитвы всякій долженъ стоять скромно, чтобы неприличными ужимками не нарушать благочинія и не мѣшать другимъ молиться. Никто тоже не долженъ оглядываться, если откроютъ дверь, смотрѣть въ окна, зѣвать по сторонамъ, шаркать ногами, плевать, почесываться и т. д.»

«Пѣть должно медленно и плавно и не измѣнять своего голоса неприличнымъ образомъ».

«Въ церковь дѣти должно итти скромно, и безъ особаго позволенія не отдаляться ни на шагъ отъ своихъ наставниковъ, а также воздерживаться отъ всякой пустой болтовни».

«Всѣ, имѣющіе Евангеліе и молитвенники, должны брать ихъ съ собою въ церковь и собираясь въ залу на молитву».

«Пришедши въ церковь, дѣти тотчасъ-же должны садиться по своимъ мѣстамъ, и не смѣютъ вставать раньше, чѣмъ начнется пѣніе, до-тѣхъ-же-поръ они должны прочитать Евангеліе того дня, и если есть время, то еще и нѣсколько псалмовъ. Во время молитвы всѣ должны становиться на колѣна, но дѣтямъ запрещается головами прислоняться къ скамейкамъ или заслонять лице шляпами. При пѣніи извѣстныхъ псалмовъ всѣ тоже должны вста-

вать; пѣть-же должно по молитвенникамъ, еслибы даже дѣти знали наизустъ тѣ псалмы, которые слѣдуетъ пѣть. Когда-же читаютъ Евангеліе или Апостола, то дѣти должны по книгамъ своимъ слѣдить за тѣмъ, что читаетъ пасторъ».

«Такъ-какъ дѣти въ церкви сидятъ отдѣльно отъ своихъ наставниковъ, то всякій разъ назначать двоихъ изъ старшихъ воспитанниковъ, чтобы они имѣли надзоръ за прочими; замѣченные безпорядки они обязаны въ воскресенье вечеромъ записать, а въ понедѣльникъ утромъ передать свою записку директору школы капитану Фонъ-Вреху».

«Если кто-нибудь изъ старшихъ воспитанниковъ почувствуетъ особое желаніе причаститься св. тайнъ, то онъ тотчасъ-же долженъ сообщить объ этомъ своему наставнику».

«Дѣти должны любить и уважать всѣхъ наставниковъ безъ исключенія, никогда не осмѣливаться отвѣчать имъ колко или двухсмысленно, не облокачиваться въ ихъ присутствіи, не сидѣть подпершн голову рукою, не прислоняться къ стѣнѣ; говорить со своими наставниками не иначе, какъ съ непокрытой головой, и ни въ какомъ случаѣ не ослушиваться ихъ, или позволять себѣ противъ нихъ малѣйшую дерзость. Кромѣ этого, дѣти должны быть почтительны со старшими и вѣжливы со всѣми вообще».

«Дѣти должны любить другъ друга, стараться угождать другъ другу и охотно прощать обиды. Встрѣчаясь поутрамъ въ залѣ, они должны кланяться другъ другу и желать добраго утра».

«Глупыя шутки и ужимки и все носящее на себѣ отпечатокъ шутовства строго запрещается дѣтямъ».

«Чтобы дѣти не могли отговариваться тѣмъ, что они забыли то, что разъ приказано или запрещено, то всѣмъ тѣмъ, которые умѣютъ писать, приказывается по-вечерамъ записывать въ особую тетрадь все, что было запрещено или приказано во время дня».

«Когда кого-нибудь изъ воспитанниковъ объ чемъ-нибудь спрашиваютъ, то онъ долженъ тотчасъ-же встать и отвѣчать учтиво.

«Тѣ, которые учатся по-Латыни, должны всегда съ учителями и между собою говорить на этомъ языкѣ».

«Всякій воспитанникъ, умѣющій писать, долженъ составить опись всѣмъ своимъ вещамъ, и передать ее своему гувернеру; если-же что-нибудь изъ его вещей потеряется, то онъ тотчасъ-же обязанъ извѣщать объ этомъ».

«Воспитанникамъ строго запрещается безъ особаго дозволенія продавать что-нибудь своимъ товарищамъ, или покупать что-нибудь, безъ вѣдома своихъ наставниковъ, а также безъ особаго разрѣшенія занимать у кого бы то ни было деньги, или что-либо другое».

«Во время обѣда строго наблюдать за тѣмъ, чтобы никто первый не совался съ ложкою или вилкою въ блюдо или миску, но чтобы начинали всегда старшіе, а также, чтобы дѣти не смѣли выбирать куски, но брали всегда тотъ, который ближе къ нимъ лежитъ. Когда кто-нибудь захочетъ пить, то онъ долженъ встать, и, поклонившись, попросить объ этомъ позволенія. Запрещается класть локти на столъ и облокачиваться, но приказывается всѣмъ воспитанникамъ сидѣть прямо и держать себя за столомъ прилично».

«Во время обѣда одинъ изъ мальчиковъ, за которымъ очередь, долженъ прочитать двѣ или три главы изъ Библіи».

«Никакихъ писемъ и записокъ не позволяется отсылать, не показавъ ихъ предварительно своему гувернеру».

«Бѣгать, смѣяться безъ толку и затѣвать шумныя игры также строго запрещается».

Этого довольно, чтобы дать читателямъ полное понятіе о томъ, что въ то время считалось полезнымъ и необходимымъ при воспитаніи дѣтей. Разсуждать здѣсь о томъ, какъ ложны были понятія того вѣка, было-бы совершенно излишнимъ; время и опытъ уже достаточно доказали, что въ школѣ, гдѣ самостоятельное развитіе дѣтей стѣснено до крайней степени, они мыслятъ не иначе, какъ по предписаннымъ правиламъ; нисколько не удивительно, что въ такихъ школахъ особенныя наказанія были почти совершенно не нужны. Такъ и въ Тобольской школѣ тѣлесное наказаніе было чрезвычайною рѣдкостію; но если, послѣ многихъ увѣщаній, наконецъ видѣли необходимость прибѣгать къ нему, то виновный послѣ наказанія обязанъ былъ благодарить своихъ наставниковъ за наказаніе.

5-го ноября 1721 года Тобольскій генералъ-губернаторъ получилъ извѣстіе, что миръ между Россіею и Швеціею заключенъ 30 августа, а потому всѣ плѣнные, которые не поступили въ Русскую службу, предались радостной надеждѣ, что имъ скоро дозволено

будетъ возвратиться въ свое отечество. Поэтому школа была закрыта, воспитанники распущены, и домъ и все домашнее заведеніе продано. Успѣла-ли школа эта, по кратковременности своего существованія, принести какую-нибудь пользу для образованія этой отдаленной страны, трудно опредѣлить. Она принадлежитъ къ числу блестящихъ метеоровъ, которые являются, горятъ нѣсколько времени яркимъ свѣтомъ и потомъ исчезаютъ.

Изложенныя выше свѣдѣнія почерпнуты большею частію изъ книги, изданной капитаномъ фонъ-Врехомъ по возвращеніи его въ Германію въ 1725 году, подъ заглавіемъ: «Wahrhafte und umstandliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Von Lurt Fridrich von Wreech. Sorau, 1725.

Капитанъ фонъ-Врехъ былъ Нѣмецъ и только служилъ въ Шведской службѣ. По окончаніи войны, онъ вышелъ въ отставку и возвратился въ свое отечество Пруссію, гдѣ въ небольшой деревнѣ жила его жена и его пятнадцатилѣтній сынъ, котораго ему теперь въ первый разъ удалось обнять, такъ-какъ тотъ родился въ то время, когда капитанъ фонъ-Врехъ былъ съ полкомъ своимъ въ Россіи.

А. Ш.

Библиотека ... ного и музея-заповедника инв. № 52509